

**КОНВЕНЦИЯ ПРОТИВ ПЫТОК
И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ,
БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ
ИЛИ УНИЖАЮЩИХ
ДОСТОИНСТВО ВИДОВ
ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ**

Distr.
GENERALE

CAT/C/SR.506
26 June 2009

RUSSE
Original: FRANÇAIS

КОМИТЕТ ПРОТИВ ПЫТОК

Двадцать восьмая сессия

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О 506-м ЗАСЕДАНИИ,

состоявшемся во Дворце Вильсона в Женеве,
в среду 1 мая 2002 года, в 10 час.00 мин.

Председатель: г-н БЕРНС

СОДЕРЖАНИЕ

РАССМОТРЕНИЕ ДОКЛАДОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ГОСУДАРСТВАМИ-
УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНВЕНЦИИ (продолжение)

Второй периодический доклад Узбекистана

В настоящий отчет могут вноситься поправки.

Поправки должны быть представлены на одном из рабочих языков. Они должны быть изложены в пояснительной записке, а также внесены в один из экземпляров отчета. Поправки должны направляться в течение одной недели с момента выпуска этого документа в Секцию редактирования официальных отчетов, комната E.4108, Дворец Наций, Женева.

Все поправки к кратким отчетам об открытых заседаниях Комитета в ходе настоящей сессии будут сведены в единое исправление, которое будет издано вскоре после окончания сессии..

GE.02-41572 (EXT)

Заседание открывается в 10 час.00 мин.

РАССМОТРЕНИЕ ДОКЛАДОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ГОСУДАРСТВАМИ-
УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНВЕНЦИИ
(пункт 7 повестки дня) (продолжение)

Второй периодический доклад Узбекистана (CAT/C/53/Add.1)

1. По приглашению Председателя узбекская делегация занимает места за столом Комитета.
2. Г-н САИДОВ (Узбекистан) говорит, что молодое государство Узбекистан ратифицировало Конвенцию в 1995 году и прилагает усилия для создания правового государства, в том числе, за счет многочисленных нововведений в области прав человека. После рассмотрения Комитетом против пыток в 1999 году первоначального доклада Узбекистана (CAT/C/32/Add.3) узбекская делегация направила выводы и рекомендации Комитета заинтересованным министерствам и государственным организациям, которые приняли конкретные меры для осуществления полученных рекомендаций. Они были также доведены до сведения неправительственных организаций (НПО) и широкой общественности в ходе проведения информационной кампании в сотрудничестве со средствами массовых коммуникаций.
- 3.. После представления второго периодического доклада в ноябре 2000 года в Узбекистане произошли большие перемены. Правительство организовало, в частности, обучение по вопросам прав человека для сотрудников компетентных органов при участии ПРООН, ЮНЕСКО, МККК, ОБСЕ и ряда фондов, в том числе Фонда Сороса, Фонда Аденауэра и Канадского фонда по правам человека.
4. В 2000 и 2001 году в рамках сотрудничества с ОБСЕ Правительством в разных городах страны была проведена целая серия семинаров по международным нормам и практике отправления правосудия для следователей, инструкторов магистратуры, прокуроров, судей и адвокатов. В ходе этих семинаров участники изучали, среди прочего, положения Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции против пыток, а также рекомендации, сформулированные Комитетом по правам человека и Комитетом против пыток в связи с рассмотрением докладов Узбекистана.
5. Принимаются также меры по подготовке инструкторов по вопросам прав человека и судопроизводству. Все эти информационные и образовательные меры осуществляются в рамках Десятилетия образования по вопросам прав человека ООН.

6. При подготовке второго периодического доклада использовалась информация, полученная не только от административных органов, но и от НПО, таких, например, как Социологический центр исследования общественного мнения, Ассоциация адвокатов, Ассоциация судей, Центр исследований в области прав человека и гуманитарного права, женские ассоциации и т.д. Кроме того, доклад был подготовлен при строгом соблюдении руководящих принципов, разработанных Комитетом.
7. В соответствии с рекомендациями Комитета, Узбекистан принял различные меры по запрещению пыток. Уголовный кодекс предусматривает отныне весьма серьезные наказания для авторов пыток, а согласно Уголовно-процессуальному кодексу, признания, полученные под пыткой, не принимаются в качестве доказательств, что было подтверждено несколькими решениями, принятыми Верховным судом за последние годы.
8. В настоящее время власти работают над созданием эффективной системы рассмотрения жалоб лиц, утверждающих, что стали жертвами дурного обращения или применения пыток государственными должностными лицами. Правительство намерено таким образом свести к минимуму вероятность остаться безнаказанными для виновных в этих нарушениях.
9. Поскольку Комитет указал на неполноту определения пытки в узбекском законодательстве, парламент принял новое определение, соответствующее первой статье Конвенции.
10. Кроме того, выполняя рекомендации Комитета, парламент принял новый закон о судах, основанный на принципах отправления правосудия, провозглашенных ООН, в частности на основополагающих принципах, касающихся независимости магистратуры.
11. В настоящее время Правительство занято созданием системы контроля за соблюдением законодательных положений в области прав человека. Этот контроль будет осуществляться парламентскими комиссиями, Омбудсменом, компетентными государственными органами и НПО.
12. Для выполнения своих международных обязательств, касающихся прав человека, Узбекистан предпринимает шаги с целью включения в свое внутреннее законодательство положений международных договоров, стороной которых он является. Он также следит за тем, чтобы соответствующие органы напрямую обращались к международным нормам.
13. Особое внимание уделяется борьбе с нарушениями прав человека. После выяснения причин нарушений, выбираются средства для их прекращения и предупреждения новых нарушений. С этой целью Правительство, в сотрудничестве с ОБСЕ, создало сеть НПО, следящих за соблюдением прав человека.
14. Помимо этого, будучи убежденным в том, что НПО играют важную роль в осуществлении положений Конвенции против пыток и других международных договоров по правам человека, Правительство проводило обучение представителей НПО по вопросам подготовки альтернативных докладов для договорных органов по наблюдению за применением этих положений. После представления второго периодического доклада в ноябре 2000 года была предпринята реформа Уголовного и Уголовно-процессуального

кодекса (УК и УПК). Были внесены поправки в классификацию нарушений. Так, например, число нарушений, подлежащих наказанию в виде лишения свободы, было заметно сокращено за счет нарушений, не представляющих большой опасности для общества. Отныне суды имеют возможность назначать за такие нарушения наказания, не связанные с лишением свободы, в частности налагать денежные штрафы. Эти меры позволили заметно уменьшить число лиц, находящихся в предварительном заключении. Кроме того, лица, приговоренные к лишению свободы за нарушения незначительной и средней тяжести, могут отбывать наказания в тюрьмах открытого типа, где они не полностью отрезаны от общества и условия в которых больше способствуют исправительно-воспитательной работе. Правительство действительно считает, что скорее нужно всеми способами развивать чувство ответственности у правонарушителей, чем изолировать их от общества.

15. В рамках политики, направленной на смягчение уголовного законодательства, Уголовным кодексом предусматриваются менее строгие меры наказания для несовершеннолетних правонарушителей, женщин и лиц преклонного возраста.

16. Что касается смертной казни, то число составов преступлений, подлежащих этому виду наказания, уменьшилось с 36 до 4. Кроме того, эта мера не может применяться к несовершеннолетним или лицам старше 60 лет.

17. Уголовная процедура была упрощена и смягчена, в частности в целях сокращения сроков досудебного заключения. Говоря в целом, реформа Уголовного кодекса и судопроизводства направлена на то, чтобы уравновесить права и свободы граждан с одной стороны, и интересы общества с другой.

18. Несмотря на все усилия Правительства, надо признать, что существует громадный разрыв между законами о запрещении пыток и практикой. Акты пыток еще совершаются лицами, облеченными государственной властью. Виновные в этих актах приговариваются к длительным срокам лишения свободы, и Правительство исполнено решимости сделать все, что в его силах, чтобы положить конец безнаказанности в этих вопросах и обеспечить осуществление положений Конвенции. В свете этого оно хотело бы продолжать откровенный и конструктивный диалог с Комитетом против пыток.

19. Г-н ЯКОВЛЕВ (Докладчик по Узбекистану) положительно оценивает тот факт, что Узбекистан представил свой второй периодический доклад в установленные сроки. Он отмечает изменения, внесенные в систему судопроизводства и отправления правосудия, а также законодательные реформы и принятие новых законов, указывая при этом, что теперь Узбекистану предстоит решать нелегкую задачу применения этих законов на практике.

20. В пункте 66 доклада говорится, что Президент Узбекистана неоднократно упоминал о необходимости изменения статуса судов и их преобразования из органов репрессивного характера в органы защиты прав и свобод граждан. Было бы интересно узнать, что конкретно намерено сделать Правительство, в частности на законодательном уровне, для достижения этой цели. Не могла бы узбекская делегация уточнить, намерен ли Узбекистан применять принцип несменяемости судей, без чего они не могут оставаться полностью независимыми при осуществлении своих функций.

21. Г-н Яковлев напоминает, что судьба всякого закона о запрещении пыток зависит от повседневной обстановки в камерах, где находятся в заключении задержанные и осужденные лица. Он с удовлетворением отмечает, что возможности заключения под стражу как меры пресечения уменьшились, и что теперь решение об этом принимается судами в открытых заседаниях. Он спрашивает, правда ли, что максимальный срок содержания под арестом был сокращен до 72 часов, и хотел бы знать, при каких условиях задержанные и осужденные могут требовать медицинского освидетельствования, имеют ли они доступ к адвокату, врачу или членам своей семьи, и сразу ли сообщается арестованным об их правах.

22. Г-н Яковлев хотел бы также получить информацию об инспекциях в местах заключения (идет ли речь о постоянном контроле, кто их проводит, каковы их результаты?), а также существуют ли положения, регулирующие выдачу лиц, которым угрожают пытки в их стране. Он спрашивает, ограничивается ли компетенция военных судов нарушениями, совершаемыми военнослужащими. Если это не так, то гарантировано ли гражданским лицам в этих судах справедливое и всесторонне разбирательство их дела?

23. В первоначальном докладе указывается, что рекомендации Комитета были направлены заинтересованным организациям и министерствам для их последующего осуществления: спрашивается, были ли они также опубликованы и распространены в целях повышения информированности широких кругов общественности и поддержки усилий, направленных на изменение отношения к этим проблемам среди населения и особенно государственных служащих..

24. Г-н Яковлев просит делегацию привести случаи, когда Верховный суд или суд второй инстанции после рассмотрения дела решили что, признания обвиняемого были получены незаконными методами (в т.ч. под пыткой) и соответственно изменили свой вердикт. Как он при этом замечает, если все компетентные органы, от момента ареста до процесса в первой инстанции, твердо знают, что все доказательства, полученные под пыткой, не будут приняты судом и приговор будет отменен, то применении пыток в этих целях теряет всякий смысл.

25. Г-жа ГАЭР (Содокладчик по Узбекистану) говорит, что доклад Узбекистана свидетельствует о желании Правительства участвовать в работе системы наблюдения за осуществлением международных договоров. В докладе уделено много место осуществлению статьи 10 Конвенции; он содержит обширные сведения об информационно-просветительской деятельности, касающейся запрещения пыток. Однако следует отметить, что в нем совсем нет данных о практическом обучении сотрудников правоохранительных и других органов по обеспечению законности, и это в то время, как в Комитет продолжают поступать сведения о многочисленных актах пыток. Г-жа Гаэр хотела бы получить детальную информацию о подготовке, не только теоретической, а, в первую очередь, практической, персонала указанных органов. Она хотела бы знать, как этот персонал обращается с заключенными, каковы методы, применяемые этим персоналом и медицинскими работниками для выявления признаков пыток или дурного обращения, проходят ли подготовку в этой области судьи и могут ли они свободно констатировать факты применения пыток. Она хотела бы также получить уточнения по поводу мер, принимаемых правительством для проверки соблюдения правил проведения допросов и положений о содержании под стражей лиц, подвергнутых аресту,

задержанию и заключению (статья 11 Конвенции). В пункте 206 доклада говорится, что могут быть зачитаны только те показания свидетелей или жертв, полученные в ходе предварительного следствия, которые существенно отличаются от тех же показаний, сделанных в суде, и она хотела бы знать, как действуют судьи в этих случаях. Она просила бы также делегацию прокомментировать информацию российских НПО, согласно которой публикация административных циркуляров, касающихся условий содержания в заключении, приводит иногда к репрессиям, как, например, в случае с избитием заключенных-мусульман, которым запрещали молиться даже молча.

26. Обращение с лицами, подвергнутыми предварительному заключению, и их защита, похоже, также являются проблемой. Из доклада не ясно, могут ли заключенные встретиться с адвокатом до предъявления обвинения, и когда они могут подать просьбу о медицинском освидетельствовании или о свидании с близкими. Пользуются ли свидетели и подозреваемые хотя бы одним из этих прав?

27. Во время рассмотрения доклада Узбекистана Комитет по правам человека рекомендовал создать независимую систему наблюдения во всех местах лишения свободы. Был ли создан такой механизм? В частности, г-жа Гаэр хотела бы знать, производится ли регистрация и медицинский осмотр заключенных, и какие процедуры существуют на этот счет, а также, как происходит уведомление семьи о заключении под стражу одного из ее членов. В этой связи следует отметить, что, хотя статья 225 УПК и предусматривает некоторые меры защиты, но похоже, что на практике вышеуказанные права заключенных не соблюдаются. В том же кодексе установлен максимальный срок содержания под стражей 72 часа (санкция прокурора, но не судьи), не подлежащий обжалованию. Похоже также, что отсутствует процедура, аналогичная *habeas corpus*, и что права защитника зачастую нарушаются. Адвокаты, обращающиеся с жалобами, подвергаются запугиванию и могут встретиться со своим клиентом только по письменному разрешению чиновника, ведущего дело. Г-жа Гаэр просит делегацию прояснить этот вопрос.

28. Г-жа Гаэр хотела бы узнать о результатах упомянутых в пунктах 215-219 доклада парламентских дебатов по поводу проведения инспекций в различных местах заключения службами прокуратуры, Национального центра по правам человека, национальными и международными НПО, другими международными органами, а также представителями общественности. Поскольку расследования редко возбуждаются по ходатайству частных лиц, г-жа Гаэр хотела бы знать, что мешает осуществлению статьи 13 Конвенции: идет ли речь о технических препятствиях; должен ли Верховный суд дать более подробные инструкции или Правительство должно более четко продемонстрировать свое желание двигаться в этом направлении? Она просит также делегацию прокомментировать информацию о том, что Международный комитет Красного креста не получил разрешения на посещение тюрем, предусмотренное соглашением с Правительством Узбекистана.

29. В своем первоначальном докладе Узбекистан заявил, что ответственность за проведение быстрого и беспристрастного расследования случаев пыток лежит на службах Прокуратуры. Г-жа Гаэр хотела бы знать количество поданных жалоб, и каковы возможности этих служб, позволяющие им расследовать дела, которые они затем передают в суд. Констатируя, что Прокуратура получила в 1999 году шесть жалоб граждан на незаконные методы расследования, применявшиеся работниками прокуратуры, и 24 жалобы на работников Министерства внутренних дел (пункт 118

доклада), она просила бы делегацию прокомментировать эти цифры и пояснить роль Национального центра по правам человека в этом плане.

30. Г-жа Гаэр хотела бы также получить разъяснения по поводу пункта 60 доклада. Там сказано, что судьи не проявляют должной строгости при квалификации нарушений права на услуги защитника и не всегда критически относятся к признаниям подозреваемых, сделанным в отсутствие адвоката, хотя Верховный суд подтвердил, что любое доказательство, полученное незаконными методами, является неприемлемым и, следовательно, не имеет юридической силы в суде. Она хотела бы получить от делегации статистические данные о случаях, когда признания, полученные принудительным путем, были объявлены неприемлемыми или имело место медицинское освидетельствование для установления факта применения пыток по отношению к истцу. А также пояснения делегации по поводу заявлений заключенных, которых, после получения от них под пыткой показаний, принудили в письменном виде отказаться от помощи защитника.

31. В докладе сообщается, что некоторые правоохранительные органы на практике подчас не обращают внимания на жалобы граждан или относятся к ним чисто формально, и что такое может происходить даже в судебных органах промежуточной или высшей ступени (пункт 231 доклада). Г-жа Гаэр просит дать уточнения по поводу постановления Верховного суда, принятого в декабре 1998 года с целью исправить это положение.

32. Г-жу Гаэр интересует также роль Уполномоченного по правам человека (Омбудсмена) в осуществлении Конвенции, в частности его предложения, касающиеся проведения его службами мероприятий, связанных с Конвенцией и направленных на обеспечение действия УПК в трех районах Узбекистана, а также информация о функциях Комиссии по соблюдению конституционных прав и свобод человека (пункты 232 и 233 доклада).

33. Г-жа Гаэр просит представить статистику жалоб на незаконные действия чиновников и правоприменительных органов, и хотела бы знать, какое наказание понесли авторы этих действий. Она хотела бы также, чтобы делегация прокомментировала доклад одной узбекской НПО, согласно которому Национальный центр по правам человека насчитал 30 жалоб, направленных в Генеральную прокуратуру в 1999 году. Она просила бы уточнить роль этого центра, который, как указывается в докладе Всемирной организации по борьбе против пыток, получил с 1999 года всего одну жалобу, связанную с применением физического насилия. Уполномочен ли центр принимать такие жалобы? Кроме того, по сообщению Общества юридической взаимопомощи, доклад Омбудсмена за 2000 год содержит большое количество примеров недопустимой практики ведения расследований и случаев незаконного заключения под стражу. Как делегация могла бы прокомментировать этот факт? С другой стороны, по сообщениям НПО, ежедневно от 50 до 100 человек становятся жертвами дурного обращения, тогда как цифра, указанная узбекской делегацией, составляет 1000 человек в год. Г-жа Гаэр выражает также свою озабоченность в связи с информацией НПО, согласно которой члены семьи какого-либо автора жалобы могут подвергаться угрозам физической расправы и даже репрессивным мерам. Было бы интересно получить уточнения по поводу судебного преследования чиновников и наказаний, которые они понесли.

34. Что касается статьи 14 (право жертв пыток на справедливую и адекватную компенсацию), то, как понимает г-жа Гаэр, никакой компенсации не предоставлялось, так как за начатым уголовным преследованием ни разу не последовало осудительного

приговора по обвинению в совершении пыток. Хотелось бы знать о мерах, предусматриваемых для возмещения ущерба жертвам пыток и обеспечения независимости судей. По некоторым источникам, полиция предлагает деньги жертвам или членам их семей, с тем чтобы они отозвали свою жалобу, что дает основания думать о наличии серьезной проблемы коррупции. Как обстоит дело с этим явлением в Узбекистане?

35. В связи со статьей 15, г-жа Гаэр напоминает, что после рассмотрения первоначального доклада Узбекистана Комитет против пыток рекомендовал государству-участнику обеспечить на практике абсолютное соблюдение принципа неприемлемости доказательств, полученных под пыткой. Похоже, что пока этот принцип не всегда соблюдается, и что новый УПК не запрещает специально процессуальное использование информации, полученной таким способом. В этой связи г-жа Гаэр приводит конкретные примеры из доклада НПО Мемориал (в частности, дело Назима Джабакова). Намерено ли узбекское Правительство принять меры для соблюдения этого принципа?

36. Обращаясь к статье 16, г-жа Гаэр ссылается на информацию о многочисленных случаях смерти в заключении (порядка 20 случаев по данным НПО). Она приводит случай с одним правозащитником, Шовриком Рузимурадовым, умершим в июне этого года, и спрашивает в какой степени независимым было расследование дела о его смерти. Что также известно о деле Раушана Хайту? Говоря в целом, г-жа Гаэр хотела бы получить подробную информацию о случаях применения физического насилия к заключенным, подобным так называемой «дедовщине» в армии. Она просила бы также уточнить число заключенных по стране с указанием причин применения к ним этой меры. Было бы также интересно узнать о мерах, принятых в стране для улучшения условий содержания несовершеннолетних нарушителей. Г-жа Гаэр просила бы представить информацию о женщинах, исчезнувших после того, как они публично выступили против заключения под стражу одного из членов их семьи, например, о случае Мушараф Усмановой, исчезнувшей 18 апреля. Она приводит также многочисленные примеры случаев с жертвами пыток и дурного обращения, в частности случай с одной девочкой 16 лет, помещенной в тюрьму со взрослыми, которой не дали возможности встретиться с адвокатом, избивали ее и не разрешали обращаться к врачу. Наконец, она хотела бы знать какова реакция узбекского Правительства на эти утверждения и намерено ли оно проводить расследование по всем этим делам.

37. Г-н РАСМУССЕН подчеркивает важность просвещения и обучения в вопросах, касающихся не только прав человека, но также запрещения пыток, о чем говорится в статье 10 Конвенции. Он спрашивает, намерено ли узбекское Правительство принять меры для более эффективного осуществления этой статьи. Далее г-н Расмуссен выделяет важнейшую роль врачей, которые должны иметь хорошую подготовку для того, чтобы способствовать предупреждению пыток. Он спрашивает также, проводится ли медицинский осмотр в самом начале заключения, и подчеркивает важность медицинского контроля для предупреждения распространения любых заболеваний, особенно туберкулеза. Необходимо также обеспечить требуемый медицинский осмотр в следственных изоляторах (СИЗО). С другой стороны, г-н Расмуссен придает капитальное значение созданию системы проведения независимых и регулярных инспекций в местах заключения, а также организации медицинского наблюдения за состоянием здоровья заключенных. Было бы полезно, чтобы узбекское правительство привлекло к участию в инспекционных процедурах Национальный центр по правам человека и различные НПО, как об этом, похоже, говорится в докладе. Г-н Расмуссен также выражает свою

озабоченность по поводу перенаселенности тюрем, особенно изоляторов временного содержания, где задержанным лицам иногда приходится спать по очереди из-за нехватки места. Он спрашивает, намерено ли узбекское Правительство бороться с проблемой перенаселенности тюрем другими средствами, помимо амнистий и освобождения под залог. Наконец, он хотел бы знать точное число заключенных (следственные изоляторы, изоляторы временного содержания, тюремные учреждения и т.д.) – эти сведения Комитет уже запрашивал после рассмотрения первоначального доклада.

38. Г-н ЭЛЬ МАСРИ просит дать уточнения по поводу приемлемости свидетельств, полученных под пыткой, в частности о процессе, проходившем над заключенными-верующими в июле 2000 года, во время которого член коллегии ташкентского суда не принял во внимание утверждения обвиняемых о применении к ним пыток.

39. Г-н МАВРОММАТИС говорит, что в докладе Узбекистана содержится довольно полная информация о законодательных актах, регулирующих вопросы судебной защиты, но недостаточно сведений о конкретном применении этих текстов. По информации, исходящей от НПО, за последние годы ситуация в отношении пыток ухудшилась, так как власти стремятся замять жалобы и противятся расследованиям. Некоторые НПО даже утверждают, что пытки и дурное обращение приобрели более или менее систематический характер, в частности в делах политического характера. Если эти утверждения соответствуют истине, то узбекскому Правительству следовало бы принять меры для исправления этого положения.

40. Согласно пункту 4 доклада, Узбекистан подписал порядка пятидесяти международных договоров по правам человека. Было бы интересно знать, что это за договоры, в число которых, по всей видимости, включены региональные соглашения.

41. В пункте 6 указывается, что доклады (Комитету против пыток) обновляются и представляются на рассмотрение каждый год. На самом деле, согласно статье 19 Конвенции против пыток, каждое государство-участник представляет Комитету свой первоначальный доклад в течение одного года после вступления Конвенции в силу для данного государства-участника, после чего оно представляет дополнительные доклады раз в четыре года.

42. Следовало бы, кроме того, прояснить смысл пункта 110 доклада.

43. По некоторой информации, судьи всегда назначаются и отзываются Президентом. Если это так, то, похоже, невозможно обеспечить независимость судебной власти. Что касается признаний или доказательств, полученных под пыткой, они не должны ни в коем случае упоминаться в ходе процесса или подшиваться к делу, с тем чтобы они не могли повлиять на позицию судей.

44. Намерен ли Узбекистан сделать заявление, предусмотренное статьей 22 Конвенции? Довольно удивительно в этой связи, что Национальный центр по правам человека практически не получает обращений с жалобами.

45. Что касается вопросов, связанных с заключением, то для лучшего соблюдения прав человека было бы правильно, чтобы они были переданы из Министерства внутренних дел в Министерство юстиции.

46. Г-н МАРИНЬО МЕНЕНДЕС говорит, что хотел бы вначале подчеркнуть, как важно обеспечить предоставление медицинских услуг заключенным, которые в них нуждаются. С другой стороны, он хотел бы знать, каковы компетенции военных судов, и пересекаются ли они в чем-то с компетенциями гражданских судов

47. Судя по докладу (пункт 26), высшая мера наказания в виде смертной казни применяется в случае преступлений терроризма и агрессии. Есть ли в законодательстве определения для этих терминов, и если да, то какие? Можно ли получить статистические данные относительно смертной казни?

48. В докладе упоминается (пункты 219 и 220) об инспекции, проведенной в следственных изоляторах. Каковы ее результаты?

49. В пункте 3 доклада упоминаются правозащитные НПО. Идет ли речь о независимых НПО или, скорее, об организациях полугосударственного типа? В чем заключается деятельность почти 2500 некоммерческих НПО, имеющих в стране

50. Судя по докладу, похоже, что в узбекском праве нет никаких четких правил, специально запрещающих высылку, возвращение или выдачу лиц другому государству, если есть серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Это является серьезным пробелом в законодательстве.

51. В более общем виде, в отношении обращения с иностранцами в пункте 224 указывается, что они могут обратиться с жалобой в суд в установленном законом порядке, если международными договорами и соглашениями, стороной которых является Узбекистан, не установлено иначе. Может ли что-то воспрепятствовать обращению иностранцев в суд или же они пользуются этим правом без какой-либо дискриминации, как это, похоже, предусматривается в статье 16 Уголовно-процессуального кодекса?

52. Судя по некоторым утверждениям, в Узбекистане имеют место принудительные переселения и снесение жилищ сотен представителей меньшинств. Если такие факты действительно подтверждаются, то они могут быть приравнены к жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, и даже к геноциду. Являются ли эти утверждения преувеличенными? Принимаются ли меры, чтобы избежать таких ситуаций?

53. Наконец, намерен ли Узбекистан подписать или ратифицировать Римский статут Международного уголовного суда?

54. Г-н Ю Менхия хотел бы знать, как в Узбекистане подходят к вопросу об оказании юридической помощи в судебном процессе, и как готовят правоведов. С другой стороны, как решается в Узбекистане проблема физического насилия между заключенными или его применения служащими органов исполнения наказаний?

55. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что он хотел бы задать или повторить некоторые вопросы. Во-первых, какое определение пытки дается в проекте уголовного кодекса? Во-вторых, сколько смертных приговоров было приведено в исполнение за последние три года и каким способом? В-третьих, во всех ли местах заключения ведутся журналы записи заключенных, и доступны ли они, например, для членов семьи и адвокатов заключенных?

56. Г-н САИДОВ (Узбекистан) благодарит Комитет за внимание к докладу его страны. Он указывает, что находит обоснованными некоторые критические замечания и

присоединяется к высказанным пожеланиям и предложениям. Рекомендации Комитета будут переданы компетентным властям. Узбекистан положительно относится к поддержанию конструктивного диалога с целью осуществления этих рекомендаций. Положение в разных странах может отличаться, но некоторые нормы должны носить универсальный характер, и Узбекистан глубоко привержен этому принципу. Он искренне стремится достичь уровня передовых стран в области прав человека. Г-н Саидов считает, что не следует приравнивать перемещение групп населения к геноциду. Комитет получает информацию из множества источников, и это должно способствовать объективному анализу ситуации с его стороны. Г-н Саидов согласен с членами Комитета в том, что еще существует разрыв между положениями законодательства по правам человека и фактическим соблюдением этих прав. Узбекистан исполнен решимости сократить этот разрыв.

Заседание закрывается в 12 час. 40 мин.
